

ОТЧЕТЪ

О ЗАПЯТІЯХЪ АДЪЮНКТА

ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

М. Н. Петрова,

ВЪ ГЕРМАНИИ, ФРАНЦІИ, ИТАЛІИ, БЕЛЬГІИ И АНГЛІИ,

въ 1858 — 1860 г.

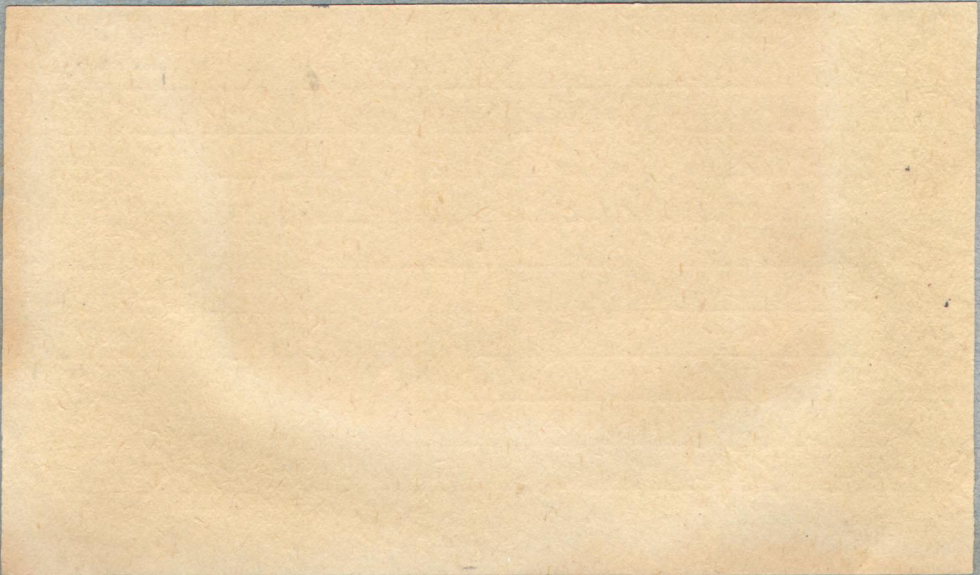
ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1861.

2484(2)711g
24484(48MP)708g

ОТЧЕТЪ

О ЗАНЯТІЯХЪ АДЪЮНКТА

ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

М. Н. Петрова,

ВЪ ГЕРМАНИИ, ФРАНЦІИ, ИТАЛІИ, БЕЛГІИ И АНГЛІИ,

СЪ ІЮЛЯ 1858-го ПО ІЮЛЬ 1860-го ГОДА.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
Ім. № 109855

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

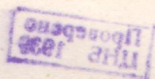
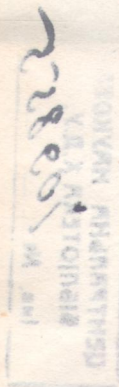
1861.

Проверено
ЦНБ 1939

58 99 75 84 08

ОТРЕТЪ
О ЗАКОНАХЪ И ЗАКОНОВЪ
МИНИСТЕРСТВО ЗАКОНОВЪ И ЗАКОНОВЪ
Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Харьковскаго Университета, Января 18 дня, 1861 года.

Ректоръ А. Рославскій-Петровскій.

О Т Ч Е Т Ъ

О ЗАНЯТІЯХЪ АДЪЮНКТА М. Н. ПЕТРОВА ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ,

съ іюля 1858-го по іюль 1860-го года.

Въ теченіи моего двухлѣтняго пребыванія за границей, я твердо имѣлъ въ виду прямую цѣль, для которой былъ посланъ, а именно — приготовить себя къ возможно-основательному выполненію обязанностей университета преподавателя Всеобщей исторіи. Добросовѣстное преслѣдованіе этой цѣли намагало на меня, прежде всего, долгъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ не какого-нибудь одного или нѣсколькихъ отдѣловъ науки, но полного круга историческихъ знаній, такъ-какъ, при нынѣшней организаціи нашихъ университетовъ, преподаваніе въ нихъ Всеобщей исторіи должно состоять преимущественно въ общихъ ея курсахъ, а не въ специальныхъ. Быть можетъ, занятія мои были бы еще успѣшнѣе, если-бъ

я ограничился изученіемъ одной какой-нибудь части Всеобщей исторіи; но, если я вѣрно понялъ мои обязанности, я не имѣлъ права сдѣлаться специалистомъ въ ущербъ общему и возможно-равномѣрному знакомству съ наукой.

Изъ такого взгляда на цѣль моего путешествія по Германіи, Франціи, Бельгіи, Италіи и Англіи, для меня вытекали три главныя обязанности: 1) познакомиться съ литературой Всеобщей исторіи, 2) — съ преподаваніемъ этой науки въ заграничныхъ университетахъ и 3) — съ ея главными вспомогательными отраслями и ближайшими родственными науками.

I. ЛИТЕРАТУРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

Подробное и возможно-полное знакомство съ европейской исторической литературой я считалъ первымъ и важнѣйшимъ условіемъ успѣха моихъ занятій за границей, ибо только этимъ путемъ могъ я составить себѣ ясное понятіе объ исторіи науки и ея современномъ направленіи. Слушаніемъ курсовъ извѣстнѣйшихъ профессоровъ и личными сношеніями съ людьми спеціальными я могъ, конечно, пріобрѣтать отдѣльныя, отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ отдѣлахъ и вопросахъ науки, о господствующихъ методахъ ея разработки и преподаванія; но только близкое, непосредственное изученіе самой исторіографіи могло поставить мои познанія въ уровень съ современнымъ движеніемъ идей въ этой сферѣ, тѣмъ болѣе, что какъ лекціи, такъ и ученныя знаком-

ства подвержены случайностям путешествія, тогда какъ литературныя занятія зависѣли, болѣею частію, отъ меня.

Изъ трехъ историческихъ литературъ, имѣющихъ всемірное значеніе, болѣе времени и труда я посвятилъ нѣмецкой, какъ потому, что она одна имѣетъ болѣе универсальный характеръ, обнимая своими изслѣдованіями исторію всѣхъ временъ и народовъ, такъ и потому, что господствующая теперь въ Германіи *Историческая школа* казалась мнѣ самою здоровою и имѣющею, въ ученомъ отношеніи, наименѣе недостатковъ. На этомъ основаніи, большую часть предоставленнаго мнѣ для путешествія времени я провелъ въ нѣмецкихъ университетскихъ городахъ, и преимущественно въ Берлинѣ, какъ занимающемъ между ними первое мѣсто, тѣмъ болѣе, что и самое преподаваніе историческихъ наукъ, если не по формѣ, то по сущности, здѣсь выше и совершеннѣе, нежели въ другихъ, посѣщенныхъ мною краяхъ.

а) Германская исторіографія.

Съ нѣмецкой исторіографіей я старался познакомиться исторически и критически, т. е. прослѣдить ея развитіе со временъ Геттингенскихъ руководствъ (Пюттера, Габерлина, Маскова, Шлөцера), когда она впервые стала организоваться въ науку, хотя еще и не имѣла самостоятельную, до послѣднихъ замѣчательныхъ трудовъ, появившихся, такъ сказать, въ моемъ присутствіи. Съ другой стороны, я имѣлъ въ виду со-

ставить себѣ понятіе о значеніи, преимуществахъ и недостаткахъ каждаго изъ главнѣйшихъ исторіографическихъ явленій, дабы усвоить себѣ, если можно такъ выразиться, топографію моего предмета и впослѣдствіи — быть въ состояніи найтись въ массѣ громадной исторической литературы Германіи, уметь опредѣлить степень важности каждаго новаго труда, пріобрѣсть твердые пункты для сравненія и оцѣнки. Такимъ образомъ, я старался составить себѣ понятіе о *характерѣ и значеніи различныхъ школъ*, послѣдовательно господствовавшихъ въ нѣмецкой исторической литературѣ: философско-эстетической (Мих. Игн. Шмидтъ), старой философской (Гердере), ораторско-романтической (Юг. Ф. Мюллеръ), субъективно-прагматической (Роттекъ), реакціонной (Галлеръ), патріотической (Луденъ), новой философской (Гегеліанцевъ, или идеалистовъ, — Гансъ, Мишле и др.); — но особенно, о господствующей нынѣ *критической, или объективно-исторической школѣ*, которая со временъ своихъ основателей — Савиньи, Эйхгорна, Нибура, Я. Гримма, К. О. Мюллера — и по-нынѣ составляетъ господствующій методъ германской исторіографіи, постепенно вытѣсняя, или преобразовывая всѣ другія направленія, какъ это можно видѣть на немногочисленной партіи новыхъ Гегеліанцевъ (напр. на Мишле и особенно — на Штраусъ), и дѣлая уступки только морально-прагматической школѣ Шлоссера (лучшіе изъ нынѣшнихъ ея представителей — Гервинусъ, Гайссеръ и Циммерманъ).

Такъ-какъ *критико-объективная школа* опирается на разработку и глубокое изученіе *памятниковъ*, осо-

бенно — національной исторіи, то мнѣ необходимо было познакомиться съ ними, по крайней мѣрѣ, библиографически. Образцовый критическій текстъ ихъ въ пертцовой кодексъ (Monum. Germ. hist.) и полнота этой коллекціи, какой не достигалъ еще ни одинъ изъ прежнихъ многочисленныхъ сборниковъ, заставили меня обратиться на него главное вниманіе, и притомъ — не столько на самую коллекцію, которою я могу пользоваться и въ Россіи, сколько на вызванную ею литературу и на тѣ многочисленныя вспомогательныя средства для пользованія ею, какія у насъ встрѣчаются несравненно труднѣе, какъ напр. — на «Архивъ общества древнѣйшей германской исторіи» (Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde), съ 1824 года, въ новомъ своемъ видѣ, издаваемый Пертцомъ и заключающій, кроме палеографическихъ и антикварныхъ извѣстій, богатое собраніе изслѣдованій объ отдѣльныхъ писателяхъ и документахъ, вошедшихъ въ составъ «Monumenta»; также — на вальтеровъ «Систематическій указатель трудовъ всѣхъ историческихъ обществъ Германіи» (Systematisches Repertorium über die Schriften sämtlicher historischer Vereine Deutschlands), представляющій свѣдѣнія о трудахъ 60-ти историческихъ обществъ Германіи; наконецъ — на сочиненія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ученыхъ, извѣстныхъ на этомъ поприщѣ, какъ напр. на изслѣдованія Бёмера (Böhmer) объ источникахъ исторіи средневѣковыхъ германскихъ императоровъ. Больше поверхностнымъ образомъ могъ я познакомиться съ изданіями Исторической Коммиссіи при Вѣнской Академіи наукъ (Font. rer. Austriac., Monum.

Habsb.) и другими частными, или же — дипломатико-юридическими сборниками. Но вообще, этотъ отдѣлъ ученыхъ изслѣдованій германской историографіи, какъ требующій специальныхъ трудовъ и исключительно посвященнаго имъ времени, не могъ составлять главной цѣли моихъ занятій. За-то тѣмъ подробнѣе и ближе имѣлъ я въ виду узнать историческіе учено-литературные труды современной Германіи, какъ болѣе необходимыя для преподавателя.

Критическій методъ Нибура, перенесенный сотрудниками пертцовой редакціи въ изслѣдованіе исторіи средняго вѣка, и Ранке — въ область исторіи новаго времени, образовалъ въ современной Германіи цѣлую категорію отличныхъ писателей, какъ — Зибель (*Gesch. d. Revolutionszeit, Gesch. d. erst. Kzeuzzugs*), Гизебрехтъ (*Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit*), Байтцъ (*Deutsche Verfassungsgesch.*), Дройзенъ (*Gesch. der Freiheitskriege, Gesch. der preussischen Politik*), Ротъ (*Das Beneficialwesen*), Мауреръ (*Gesch. d. Markenverfass.*). Нѣкоторые, болѣе или менѣе, извѣстны были мнѣ и прежде; другихъ я изучалъ на мѣстѣ. Равнымъ образомъ, школа Шлоссера съ своими теперешними представителями — Гервинусомъ и Гайссеромъ (перв. — *Gesch. d. XIX Jahrh.*, втор. — *Deutsche Gesch. v. Tode Friedr. d. Gr.*), и юная, но уже имѣющая важное значеніе въ наукѣ, партія историковъ культуры (*Culturbistoriker* — Вакемутъ, Бидерманъ, Клеммъ, Риль, Шерръ) — были предметомъ моихъ трудовъ. О другихъ, болѣе специальныхъ изслѣдователяхъ по части національной германской исторіи, какъ — о Функъ, Штенце гъ, Гёререръ,

Флюто, Яффе — я ограничился только критико-библиографическими свѣдѣніями, такъ точно, какъ о писателяхъ католическаго и консервативнаго направленія (Лео, Гуртеръ), а равно и о тѣхъ, которые посвятили труды свои или изслѣдованію чужой для нихъ исторіи, какъ Дальманъ (*Gesch. der englisch. Revolut., — der französ. Rev., — der beiden Revol., die Politik auf der Grund etc.*), Анбахъ (изслѣдовавши исторію средневѣковой Испаніи), Лаппенбергъ и Паули (о древнѣйшей исторіи Англіи), Германъ (объ исторіи Франціи въ эпоху Реформ.), Вейль (по исторіи магометанскаго Востока), Реумонъ и Грегоровіусъ (по исторіи средневѣковой Италіи), Гейеръ (по исторіи скандинавскаго Сѣвера); или же сосредоточили свою дѣятельность на изученіи исторіи древняго міра, какъ — Лепсіусъ, Бунзень и Бругшъ (по исторіи древняго Египта и Іудеи), Лассенъ и Веберъ (по исторіи древней Индіи), Моверсъ (по исторіи Финніи), Курціусъ, Дункеръ и Моммсенъ (по древне-греческой и римской исторіи).

б) Французская исторіографія.

Такимъ-же точно образомъ занимался и французской исторической литературой, поставивъ себѣ и здѣсь главной задачей — узнать относительную важность, достоинства и недостатки каждаго замѣчательнаго историческаго труда, каждаго писателя, имѣющаго значеніе въ наукѣ. И здѣсь также имѣлъ я въ виду привести отдѣльныя явленія въ связь и изучить французскую исторіографію исторически, и, конечно, болѣе всего — ея

развитіе въ XIX вѣкѣ. Занятія эти началъ я съ библиографическаго знакомства съ тѣмъ громаднымъ историческимъ матеріаломъ, который въ ученыхъ сборникахъ приготовила для науки безсмертная дѣятельность Бенедиктинской конгрегаціи св. Мавра, и критическое изданіе котораго, по плану Бенедиктинцевъ, продолжаетъ нынѣшняя Академія Надписей (*des inscriptions et des belles lettres*). Главные кодексы, какъ Букетова коллекція (*Rer. Gallic. scriptores*), *Histoire littéraire de la France*, *Art de vérifier les dates*, *Gallia Christiana*, и ихъ продолженія, изданныя Академіей или отдѣльными учеными (какъ напр. Hauréaut, своими собственными силами продолжающій «Христіанскую Галлію»), привлекали болѣе мое вниманіе, нежели другіе сборники — юридическіе, дипломатическіе или частные, и узнаны мною на столько, чтобы умѣть ими пользоваться, если мнѣ придется встрѣтиться съ ними снова. Такимъ-же образомъ собралъ я свѣдѣнія о разныхъ коллекціяхъ мемуаровъ, объ ихъ лучшихъ изданіяхъ, и работалъ съ этой цѣлю нѣкоторое время въ парижскихъ библіотекахъ, особенно-же въ библіотекѣ Императорской Школы Хартій, гдѣ, между прочимъ, имѣлъ я случай рассмотреть подробно знаменитую «Коллекцію неизданныхъ памятниковъ французской исторіи» (*Collect. des monuments inédits*; нынѣ уже около 140 томовъ), предпринятую еще по мысли Гизо и издаваемую нынѣ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. При этомъ я пользовался также и тѣми многочисленными учеными пособиями, которыми располагаетъ библіотека училища, какъ напр. Мемуарами Ин-

ститута, Bibliothèque de l'Ecole des Chartes, Mémoires et dissertations de la société des antiquaires de France и проч.

Хотя французская историографія и до выѣзда моего за границу знакома была мнѣ болѣе нѣмецкой, но тѣмъ не менѣе многое оставалось пополнить или узнать ближе. Такъ, напр., ученые труды Дону, Герара и Наталиса де Вайльи, Фориеля и Дроза, цѣлая литература исторіи низшихъ сословій во Франціи (Dareste de la Chavanne, Lemaurye, Doniol, Bonnemère, Levasseur), новѣйшія, послѣднія явленія французской исторической литературы (Henri Martin, Wallon) — очень мало извѣстны мнѣ были прежде. Касательно другихъ, болѣе распространенныхъ (Сисмонди, Гизо, братья Тьерри, Барантъ, Тьеръ, Мишье, Кузень, Токвиль) оставалось мнѣ пополнить прежнія свѣдѣнія.

Такъ-какъ дѣятельность французскихъ ученыхъ историковъ сосредоточивалась преимущественно на изслѣдованіи явленій національной исторіи, то нѣзъ писателей, посвящавшихъ труды свои изученію исторіи другихъ народовъ, мнѣ пришлось встрѣтить очень немногихъ, имѣющихъ общій интересъ и строгое ученое достоинство (Cherrier, Rosseuw St. Hilaire, C. Paganet, A. de St. Priest, Laboulaye), съ которыми бы я не былъ, болѣе или менѣе, знакомъ и прежде. Только труды Академіи Надписей по исторіи древняго Востока и древнеклассическихъ народовъ, особенно Греціи, заслуживали бы самаго серьезнаго изученія. Но тутъ, къ сожалѣнію, я могъ сдѣлать очень немногое, по недостатку времени, такъ-какъ въ Парижѣ я пробывъ все-

го около пяти мѣсяцевъ. Только изъ Мемуаровъ Института могъ я почерпнуть нѣкоторыя свѣдѣнія о трудахъ Ревана, Россиньоли, Леба, Гиньо и другихъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ на этомъ поприщѣ.

Гораздо основательнѣе могъ я прослѣдить за историческимъ развитіемъ французской исторіографіи и за ея различными школами, начиная съ риторической (Боссюэтъ), черезъ идеологическую (Дону), реакціонную (Бональдъ, де Местръ), живописно-генетическую (Барантъ, Тьерри), социально-гуманитарную (Мишле), до нынѣшней, историко-прагматической, во главѣ которой стоятъ новѣйшіе великіе авторитеты французской исторіографіи—Сисмонди, Гизо, Токвиль, Тьеръ и Мишле.

с) Англійская исторіографія.

Не столь подробно и систематически, какъ двумя первыми, могъ я заняться англійской исторической литературой. Изъ двухъ недѣль, проведенныхъ мной въ Лондонѣ, я могъ посвятить *библиотеку Британскаго Музея* только нѣсколько дней, и преимущественно для того, чтобъ пріобрѣсть библіографическія свѣдѣнія объ *источникахъ* англійской національной исторіи. Здѣсь, кромѣ прежде составившихся коллекцій (Archaeologia Britannica, Monasticum anglican. Monumenta hist. Britannica, изданныхъ въ 1848 г., еще прежней Record-Commission), я обратилъ вниманіе на предпринятое нынѣшнимъ директоромъ государственныхъ архивовъ (Master of the rolls) новое собраніе неизданныхъ документовъ англійской исторіи, подъ именемъ «*Rerum Britannicarum medii aevi scriptores*», подвигающееся,

правда, очень быстро (до-нынѣ издано уже 15 томовъ), но за-то страдающее недостаткомъ строгой критической редакціи. Такъ-же разсмотрѣлъ я, сколько успѣлъ, громадное собраніе документовъ парламентарной исторіи Англіи (оффиціальныя журналы обѣихъ палатъ, частныя журналы парламентскихъ преній, коллекцію Спикъ книгъ,—государственныхъ процессовъ,—парламентскихъ актовъ). Но собственно исторической литературой Англіи занимался я въ Берлинѣ, Парижѣ и Брюсселѣ. Занятія эти требовали много труда и времени, такъ-какъ и съ языкомъ англійскимъ знакомъ я былъ менѣе, чѣмъ съ французскимъ и нѣмецкимъ, и вообще потому, что объ англійской исторической литературѣ имѣлъ я очень отрывочныя свѣдѣнія. При изученіи этой литературы я долженъ былъ ограничиться только главнѣйшими ея явленіями, имѣющими европейскую извѣстность (Турнеръ, Кларендонъ, Мэкинтошъ, Галламъ, Лингардъ, Элзенъ, лордъ Мэгонъ, Т. Карлейль, Пэльгревъ, Кембль, Гротъ, лордъ Маколе, Бокль, и американской школы—В. Ирвингъ, Прескоттъ, Спарксъ, Банкрофтъ, Мотлі). При этомъ старался я и здѣсь, какъ при занятіяхъ нѣмецкой и французской исторіографіей, составить себѣ точное понятіе о преимуществахъ и слабыхъ сторонахъ каждаго писателя, съ тѣмъ чтобы въ-послѣдствіи уметь ими пользоваться.

Очень понятно, что, при огромной массѣ исторіографическихъ явленій трехъ литературъ, я могъ познакомиться съ ними далеко не въ одинаковой степени. Нѣкоторыхъ писателей я изучать подробно и непосред-

ственно, по ихъ сочиненіямъ, съ другими знакомился по отзывамъ и рецензіямъ, встрѣчавшимся въ лучшихъ періодическихъ учено-литературныхъ изданіяхъ (*Zeitschrift für Geschichte* von Schmidt, *Historische Zeitschrift* von Sybel, *Grenzboten* v. Freitag, *Gegenwart* v. Brockhaus, *Journal des Savants*, *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*, *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, издаваем. Verger, подъ главной дирекціей Минье, *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles lettres*, издав. Desjardins, *Edimbourg-Review*, *Oxford-essays*), или же въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи ученой европейской литературы (напр. *Mohl's Gesch. und Litteratur der Staatswissenschaften*, *Vorländer's Gesch. der Moral- Rechts- und Staatsphilosophie der Engländer und Franzosen*, *Julian Schmidt's Gesch. der deutschen Litteratur* и *Gesch. der französischen Litteratur*). Наконецъ, о нѣкоторыхъ исторіографическихъ явленіяхъ я составлялъ понятіе по тѣмъ отзывамъ, какіе мнѣ иногда удавалось слышать на лекціяхъ, или же — по личнымъ рекомендаціямъ и указаніямъ людей спеціальныхъ, изъ коихъ нѣкоторые принадлежатъ къ знаменитостямъ современной исторической науки. Шлоссеръ, Гайссеръ, Зибель, Дройзенъ, Минье, Лабуле, Лоранъ, съ которыми я бывалъ въ болѣе или менѣе продолжительныхъ личныхъ сношеніяхъ, удѣляли мнѣ иногда часть своего времени и своей опытности. Но случалось нерѣдко, что и отъ лицъ, не пользующихся столь извѣстными именами, я заимствовалъ болѣе свѣдѣній, нежели отъ корифеевъ науки, потому, конечно, что съ

обыкновенными спеціалистами я могъ сходитьса гораздо ближе.

Мои занятія исторической литературой, происходили, большею частью, въ *библіотекахъ* тѣхъ мѣстъ, гдѣ я жилъ въ разное время; болѣе же всего — въ Королевско-берлинской, въ Королевско-брюссельской, въ публичной Императорской въ Парижѣ, въ библіотекѣ Школы Хартій и въ библіотекѣ Института, тамъ-же.

Вообще, по степени свѣдѣній и знакомства, пріобрѣтеннаго мной въ чужихъ краяхъ съ исторической литературой, различные отдѣлы Всеобщей исторіи могутъ быть поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: новая и новѣйшая исторія, и особенно — спеціальная исторія Франціи, Германіи и Англіи въ этомъ періодѣ, средневѣковая исторія этихъ странъ, исторія Италіи и Испаніи, -магометанскаго Востока, древняго Востока, древняго Рима, древней Греціи, скандинавскаго Сѣвера, Византійской имперіи.

Часть пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ, литературно - ученыхъ свѣдѣній, — а именно: о *новѣйшей національной исторіографіи въ Германіи, Франціи и Англіи*, — я привелъ въ систему, составивъ изъ нихъ *сравнительный историко-библіографическій очеркъ*, который, по окончаніи литературной отдѣлки, буду искать случая сдѣлать извѣстнымъ публикѣ.

II. АКАДЕМИЧЕСКОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ

1. Германскіе университеты.

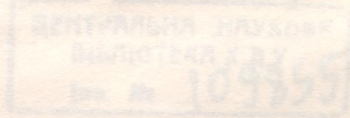
Изъ девяти посѣщенныхъ мною германскихъ университетовъ, въ *Бреславль, Лейп, Боннъ, Прагъ и Лейпцигъ* мнѣ пришлось быть въ вакаціонное время и при-томъ—въ началѣ моего путешествія. Оставаясь обыкновенно въ этихъ мѣстахъ не подолгу, я долженъ былъ ограничить мои занятія—знакомствомъ съ новымъ для меня устройствомъ нѣмецкихъ университетовъ, собираніемъ свѣдѣній о преподаваемыхъ тамъ историческихъ курсахъ, и наконецъ, гдѣ представлялся случай, личнымъ знакомствомъ съ преподавателями исторіи.

Изъ числа этихъ послѣднихъ, мнѣ удалось быть принятымъ у проф. *Рёппеля*, специально изслѣдующаго исторію Польши (его исторія Польши помѣщена въ извѣстномъ собраніи Геерена и Укерта) и занимающаго въ *Бреславскомъ* университетѣ протестантскую кафедру Всеобщей исторіи, тогда-какъ для католической—есть другой преподаватель, ибо религіозная терпимость прусскаго правительства простирается такъ далеко, что въ университетахъ тѣхъ областей, гдѣ существуетъ смѣшанное, по вѣроисповѣданію, народонаселеніе, для каждаго религіознаго культа разрѣшено имѣть особыя кафедры—историческихъ наукъ и философскихъ, не говоря уже о теологическихъ.

Въ *Лейп* я знакомъ былъ съ *Дройзеномъ*, равно отличнымъ гелленистомъ (*Gesch. des Hellenismus; Gesch. Alexander's des Grossen*), какъ и замѣчательнымъ изслѣдователемъ новѣйшей исторіи. Въ последнее время, въ Берлигъ, я имѣлъ случай познакомиться также и съ его увлекательными курсами.

Еще болѣе былъ я счастливъ на личныя сношенія въ *Боннѣ*, гдѣ бывшій русскій профессоръ *Лоренцъ*, причисленный нынѣ къ вѣдомству боннскаго университета, съ предупредительностію, какую онъ оказываетъ всѣмъ Русскимъ, доставилъ мнѣ случай познакомиться съ обоими боннскими историками — *Лѣбелемъ* и *Дальманомъ*. Первый хотя и не принадлежитъ къ числу самостоятельныхъ изслѣдователей, но считается однимъ изъ первыхъ ученыхъ педагоговъ Германіи и отличнымъ знатокомъ не только нѣмецкой исторической литературы, но и иностранной, что не всегда встрѣчается между германскими профессорами. Второй не пользуется славою блистательнаго преподавателя; но наука обязана ему нѣкоторыми очень важными трудами (напр. критическимъ изданіемъ Дитмарсенской хроники и Саксона Грамматика оказалъ онъ древне-германской исторіи въ своемъ родѣ нибуровскую услугу). Но еще болѣе обязано ему общество за распространеніе въ немъ здравыхъ понятій о конституціонномъ принципѣ. (Его исторія англійской и французской революцій, до появленія зибелева труда о времени французской революціи, и даже до послѣдняго времени, пользовалась въ Германіи величайшимъ вліяніемъ на умы).

Въ *Прагѣ* я провелъ цѣлыя три недѣли. Такъ долго меня удерживалъ въ этомъ городѣ не столько университетъ, — какъ всѣ провинціальныя австрійскіе университеты, для занимающагося историческими науками онъ не представляетъ особеннаго интереса, — сколько желаніе узнать ближе современное движеніе славянской мысли, и именно въ томъ городѣ, который считается гнѣздомъ панславизма, — познакомиться съ чешской ученой литературой и ея теперешними представителями. *Палацкій*, *Шафарикъ*, *Ганка*, *Эрбенъ* и ихъ молодые сотрудники своими указаніями и руководствомъ содѣйствовали мнѣ въ этомъ съ тою готовностію и вниманіемъ, какую они оказываютъ всѣмъ русскимъ путешественникамъ. Впрочемъ, и въ университетѣ я пользовался личными сношеніями съ профессоромъ исторіи *Гёффлеромъ*, хорошимъ педагогомъ и библіографомъ, много занимавшимся исторіей Баваріи, Австріи и гусситскихъ войнъ.

Двѣ недѣли, наконецъ, проведенныя въ *Лейпцигѣ*, я посвятилъ, большею частію, на собраніе библіографическихъ свѣдѣній о новѣйшей исторической литературѣ, посѣщая многочисленныя антикварныя собранія города и пользуясь совѣтами книгопродавца *Брокгауза*.

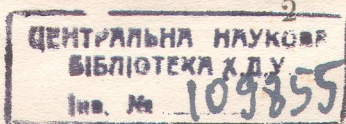
Другіе четыре германскіе университета — *Берлина*, *Вьны*, *Мюнхена* и *Гейдельберга* — знакомы мнѣ гораздо ближе; ибо тутъ я жилъ долѣе, былъ въ учебное время и слѣдовательно могъ посѣщать курсы, или, какъ ихъ называютъ въ Германіи, — коллегіи.

а) Успѣшнѣйшими занятіями моими я обязанъ *Берлину*, гдѣ я провелъ весь почти зимній семестръ 1858—59-го год. и, непосредственно предъ возвращеніемъ въ Россію, — часть лѣтняго, 1859 — 1860-го.

Изъ сорока преподавателей, читающихъ въ берлинскомъ университетѣ историко-филологическія науки, самымъ интереснымъ лицомъ могъ бы быть для меня *Ранке*, историографъ прусской монархіи и нынѣшній глава исторической школы въ Германіи, наполнившій своими учениками значительную часть историческихъ кафедръ въ нѣмецкихъ университетахъ. Но, къ сожалѣнію, его уже отъ природы не совсѣмъ явственный органъ и свойственная ему необыкновенно живая манера изложенія — съ лѣтами сдѣлались еще болѣе затруднительными для пониманія не только иностранцевъ, но нерѣдко и природныхъ Нѣмцевъ. Объ этомъ мнѣ остается сожалѣть тѣмъ болѣе, что, сколько я могъ заключить, побывавъ на нѣсколькихъ его лекціяхъ, рассказъ его могъ бы служить образцомъ историческаго преподаванія. Профессоръ до такой степени близко знакомъ, проникнуть своимъ предметомъ и принимаетъ въ немъ такое душевное участіе, что, слушая его, можно подумать, что повѣствователь самъ былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ рассказываемыхъ событій и коротко, лично зналъ всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи я потерялъ много еще и потому, что читанный имъ тогда курсъ новѣйшей исторіи Европы съ половины XVIII вѣка до сихъ поръ еще не извѣстенъ печатно.

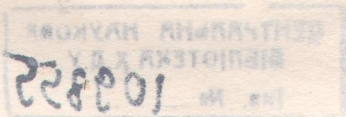
Уже съ большою пользою могъ я посѣщать исто-

рическія упражненія Ранке (*Historische Uebungen, oder Historisches Seminar*), ибо здѣсь профессоръ только руководить занятіями своихъ избранныхъ слушателей.

Цѣль «историческихъ упражненій» состоитъ въ приготовленіи специалистовъ для самостоятельныхъ работъ по источникамъ. Критика документовъ и искусство ими пользоваться суть главнѣйшія къ тому средства. Но, для приученія молодыхъ своихъ сотрудниковъ къ приѣмамъ ученой исторической критики, Ранке избралъ единственно вѣрный и успѣшный методъ—практическій; ибо всякое систематическое изложеніе правилъ, всякое теоретическое ученіе—въ подобномъ случаѣ необходимо должно имѣть отвлеченный, неопредѣленный характеръ, и слѣдовательно не можетъ принести существенной пользы. Методъ Ранке ограничивается тѣмъ, что онъ заставляетъ своихъ слушателей читать документы, напр. тацитову Германію, или какихъ-нибудь двухъ хронистовъ, писавшихъ объ одномъ и томъ-же предметѣ, или же-дипломатическія реляціи участвовавшихъ въ событіи сторонъ,—и при этомъ дѣлаетъ свои замѣчанія, указывая на встрѣчающіяся противурѣчія и объясняя основанія большей или меньшей степени достовѣрности того или другаго извѣстія. До какой степени полезенъ и вѣренъ этотъ практическій методъ—доказываютъ данные имъ результаты. Гизебрехтъ, Зибель, Вайтцъ, Флото и множество другихъ менѣе извѣстныхъ писателей и отлично-приготовленныхъ профессоровъ вышло изъ школы Ранке, не говоря уже о томъ, что ученики его, каждый съ своей стороны, хотя можетъ быть и

не съ такимъ успѣхомъ, завели подобныя историческія семинаріи въ своихъ университетахъ, съ различными модификаціями, смотря по мѣстнымъ нуждамъ и условіямъ. Такъ, напр., Зибель, въ Мюнхенѣ, раздѣляетъ упражняющихся на высшее и низшее отдѣленіе. Первое занимается критическими упражненіями на источникахъ, какъ у Ранке; второму профессоръ читаетъ очеркъ исторической библіографіи и предлагаетъ, для кабинетныхъ занятій, темы, избирая для этого, обыкновенно, спорные вопросы науки и указывая для нихъ пособія и способъ ими пользоваться. Въ такомъ-же видѣ встрѣтилъ я историческія упражненія у профессора Амбаха въ Вѣнѣ, съ тою разницею, что у него студенты вовсе не занимаются критикой документовъ, а только темами. И такимъ образомъ, das historische Seminar, съ разными видоизмѣненіями, существуетъ во всѣхъ германскихъ университетахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это учрежденіе есть одна изъ важныхъ причинъ необыкновенно богатаго развитія нѣмецкой исторіографіи. Въ Сорбоннѣ и Французской Коллегіи (Collège de France), въ Парижѣ, существуютъ тоже практическія лекціи, такъ называемыя «des conférences»; но тамъ онѣ имѣютъ совершенно иное значеніе. Слушатели не принимаютъ въ нихъ непосредственнаго участія, и только профессоръ предлагаетъ желающимъ объясненія и документальныя доказательства на текстъ читанныхъ имъ лекцій (des pièces justificatives), а также отвѣчаетъ на письменные, обыкновенно заранее доставленные ему по городской почтѣ, вопросы, какіе могутъ быть ему сдѣланы со стороны слушающей публики. Впрочемъ,